

- Belt T.L. Metaphor and political persuasion. – Los Angeles, 2003.
- Bosman J. Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. – 1987. – Vol. 2. – № 2.
- Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. – 1991. – Vol. 6(4).
- Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. – 1990. – Vol. 76.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.
- Chilton P. "La plaie qu'il convient de fermer ...": Les metaphores du discours raciste // Journal of Pragmatics. – 1993. – Vol. 21(6).
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. – Washington, 2003.
- Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, 2004.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
- Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. – New York, 1949.
- Landsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
- Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2.
- Mio J.S. Metaphor, Politics, and Persuasion // Metaphor: Implications and Applications. – Mahwah, 1996.
- Scolari C.A. La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova // Sphera Pública. – 2003. – № 3.
- Vertessen D., Landsheer Ch., de. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk /ecpr/events/jointsessions/paperarchive /granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
- Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2006

Будаев Э.В., Чудинов А.П.

Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Abstract

The paper analyses the genesis of political linguistics and the basic stages of its evolution against the historical and socio-political background. It is argued that starting with World War One international challenges predetermined the forming of political linguistics as a separate discipline. Nowadays the development of this trend is characterized by the expansion of methodologies and peculiarities of national research approaches.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий, когда на смену античным демократиям пришли феодальные монархии. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики. Первоначально (т.е. еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере.

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства политических лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В работах критической направленности основное внимание традиционно уделялось «разоблачению» недобросовестных уловок политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности. Значительное число критических публикаций было посвящено «порче» родного языка, среди причин которой обычно назывались те или иные политические события, а также общее падение нравов, утрата духовных основ и уважения к национальным традициям.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (20–50-ые гг. XX века). История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным

человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью У. Липпманна, П. Лазарсфельда, Г. Лассвелла.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 г. У. Липпманн опубликовал исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду антибольшевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» или приобретать об-

лигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Г. Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугодия вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Продемонстрированный Г. Лассвеллом исследовательский потенциал методов квантитативной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды [Lasswell et al. 1947].

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 г. роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом с помощью языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Несколько ранее Дж. Оруэлл опубликовал статью «Politics and the English Language» [Orwell 1993/1947]. Дж. Оруэлл обратил внимание на то, что в политической речи такие слова, как *democracy*, *socialism*, *freedom*, *patriotic*, *realistic*, *justice* не имеют определенного значения (meaningless words), а попытки дать им однозначное определение встречаются среди политиков сопротивление. Напр., в слове *демократия* универсальной является только оценочная характеристика. Когда мы называем страну демократической, мы ее хвалим, поэтому защитники всякого политического режима (в том числе фашистского или коммунистического) стремятся назвать этот режим демократией. Тоталитарные лидеры сопротивляются тому, чтобы дать термину «демократия» точное определение,

поскольку в этом случае они уже не смогут свободно его использовать. Как отмечает Дж. Оруэлл, подобные слова умышленно используются в целях манипуляции общественным сознанием. Такие выражения, как *маршал Петен был настоящим патриотом, советская пресса самая свободная в мире, католическая церковь противится преследованиям* «свидетельствуют о намерении обмануть слушателя». К словам, регулярно используемым в манипулятивных целях, относятся также *class, totalitarian, progressive, reactionary, bourgeois, equality*. Дж. Оруэлл указал на широкую распространенность подобных слов (сейчас бы их назвали идеологемами) в политической коммуникации различных государств.

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») [Klemperer 1947] была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Напр., оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Напр., «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: напр., в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям

«эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, указавшего на тесную связь между стилем политического языка и политическим режимом [Lasswell 1949]. По мнению Г. Лассвелла, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства президентов США [Braden, Brandenburg 1955; Brandenburg, Braden 1952; Brembeck 1952; Carson 1958; Crowell 1952; Dahlberg 1945; King 1937; Ray 1956; Randolph 1948; Schiffman 1949; Sillars 1958; Voelker 1936; White, Henderlider 1954; Wilson 1957; Zelko 1942 и др.]. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

Уже в начале прошлого века высказываются предположения о том, что метафора способна задавать способ осмысления политической реальности. Так, шведский политолог и создатель термина «геополитика» Р. Челен задался вопросом о том, какие понятия используются в прессе для осмысления политических сущностей. Исследователь пришел к выводу о том, что в представлении прессы мир международных отношений населяет группа человекоподобных существ, которые находятся друг с другом в дружественных или во враждебных отноше-

ях, имеют имена вроде «Дядя Сэм» или «Суоми-Неито», соперничают за пространство, живут и умирают и т.п. В 1916 г. Р. Челен выпустил книгу «Staten som liffsform» [Kjellen 1916], в которой изложил эти наблюдения и привел примеры из прессы того времени, что позволяет считать его наблюдения первым опытом исследования антропоморфной политической метафоры.

3. Политическая лингвистика 60–80-х гг. XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Напр., опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно так же опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны между Востоком и Западом особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (newspeak), в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (nukespeak) [Chilton

1982], т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

В этот период получили распространение исследования политической лексики [Bebermeyer 1981; Bergsdorf 1985; Freitag 1974; Geissler 1985; Glotz 1985; Hermanns 1980; Klein 1989; Lübbe 1967; Pelster 1976; Strauss 1986], теории и практики политической аргументации [Klein 1984, 1985; Kopperschmidt 1976; 1983], политической коммуникации в исторической перспективе [Allhoff 1975; Cobet 1973; Grünert 1984, 1985; Hikins 1983; Jensen 1977; Wülfing 1980], политических символов [Edelman 1964; Elder, Cobb 1983; Sarcinelli 1987]. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы [Clyne 1979; Sarcinelli 1987; Wachtel 1988; Weiß 1976; Wolff 1976], парламентских и президентских дебатах [Bartels 1988; Bishop, Meadow 1980; Bitzer, Rueter 1980; Klein 1985; Kühn 1983], в партийном дискурсе [Berschlin 1984; Kuhn 1983; Schönbohm 1974] и др.

В рамках изучения языковых средств политической коммуникации исследователи уделяли значительное внимание рассмотрению политических метафор [Aden 1988; Arendt 1983; Bachem, Battke 1989; Betz 1977; Blankenship 1973; Bosman 1987; Burkhardt 1988; Chilton 1985, 1987, 1988; Drommel, Wolff 1978; Gribbin 1973; Hastings 1970; Henry 1988; Hook 1985; Howe 1977; Howe 1988; Ivie 1982, 1986, 1987, 1989; Jamieson 1980; Jensen 1977; Kahn 1965; Keller-Bauer 1983; Kress 1989; Kurz 1982; Küster 1978, 1983; Miller 1979; Mumby, Spitzack 1983; Osborn 1967a, 1967b, 1977; Perry 1983; Rayner 1984; Rickert 1977; So 1987; Stelzner 1977; Thaiss 1978; Zarefsky 1986; Zashin, Chapman 1974].

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах» (Квадратура смысла, 2002, с. 16-17). По мнению французских ученых, американский контент-анализ «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления» (там же, с.17). Соответственно задача исследователя – это обобщение различных способов выражения сходного содержания и статистический анализ полученных результатов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как

«совокупность второстепенных технических приемов».

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет Патрик Серио, в теории дискурса Мишеля Пеше главенствуют три имени, «объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие» – Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Фердинанд де Соссюр. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются монографии и учебники по политической коммуникации и методам ее анализа [Atkinson 1984; Bachem 1979; Bergsdorf 1978; Corcoran 1979; Dieckmann 1975, 1981; Edelman 1977; Fairclough 1989; Geis 1987; Green 1987; Hahn 1988; Handbook... 1981; Shapiro 1981 и др.].

4. Современный этап развития политической лингвистики.

Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. (R. Anderson, A. Beard, F. Beer, W. Benoit, J. Blommaert, A. Burkhardt, D. Busse, P. Chilton, W. Connolly, H. Diekmannshenke, T. van Dijk, N. Fairclough, E. Felder, L. Feldman, H. Girth, D. Hahn, K.L. Hacker, R.P. Hart, F. Januschek, S. Jäger, J. Klein, J. Kopperschmidt, P. Kornelia, G. Lakoff, Ch. de Landtsheer, F. Liedtke, U. Maas, A. Musolf, O. Panagl, P. von Polenz, B. Pörksen, F. Rigotti, C. Schäffner, H. Stürmer, D. Watts, C. Wächter, R. Wesel, J. Wilson, R. Wodak и др.). Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1) Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании. После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам.

2) Политическая лингвистика, которая ранее характеризовалась

преимущественным внимание к тоталитарному дискурсу и к дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3) На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (*political linguistics*, *Politolinguistik*), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии,

В рамках современной политической лингвистики можно выделить четыре относительно автономных научных направления: критический анализ, контент-анализ, риторический анализ, когнитивное исследование политического дискурса.

Важно иметь в виду, что между представленными направлениями нет непроницаемых границ и в практических исследованиях возможно использование разнохарактерных методов. Иногда приходится фиксировать «фамильное теоретическое сходство» исследований: когнитивный подход может сочетаться с критическим дискурс-анализом, а тот, в свою очередь, дополняться психолингвистическими методиками. Вместе с тем базовые различия в теоретических основаниях и ведущих методах исследований не вызывают сомнения.

Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы. Детальный анализ данного направления представлен в книге

М.В. Гавриловой «Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике» [2003].

Материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество»), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журналы «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») и «Discourse Studies» («Исследования дискурса»).

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном обществе. Не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства.

Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Примером могут служить исследовательские программы, выполненные под руководством Т. ван Дейка в Голландии. При реализации этих программ изучается то, как суринамцы, турки, марокканцы и другие «чужаки» представлены в публикациях голландских СМИ, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и др. В исследованиях, выполненных под руководством Рут Водак (Венский университет), детально охарактеризован антииммигрантский и антисемитский дискурс в Австрии. Подобные научные программы активно реализуются и в иных демократических государствах.

Важный результат сопоставления националистических дискурсов в различных европейских странах состоит в обнаружении значительного сходства между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «чужих», которые преимущественно представлены как нарушающие традиционные нормы, то есть лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики.

Значимое место в современной зарубежной политической лингвистике занимает контент-анализ политического дискурса, имеющий более чем вековую историю применения к изучению политической коммуникации. Среди хрестоматийных примеров эффективного использования этой методики – предсказание британскими и американскими аналитиками использования фашистской Германией крылатых ракет «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2» против Великобритании, сделанное на основе анализа пропагандистских кампаний в Германии. Другой пример связан с работой американской военной цензуры в годы Второй мировой войны: повторение определенных тем в прессе послужило основой для обвинения редакторов некоторых СМИ в связях с нацистами.

В отличие от критического дискурс-анализа лингвисты этого направления полностью дистанцируются от субъективности исследователя и анализируют большие корпуса политических текстов с использованием методов компьютерной обработки материала. Исследователи ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме. Первоначально девизом подобных исследований было «чем больше корпус, тем лучше». Однако многие исследователи акцентировали внимание на важной роли небольшого, но специально подобранного корпуса политических текстов. При подобном подходе материал для контент-анализа связан с конкретным политическим событием, институциональным дискурсом, определенным временным периодом.

В рамках современного контент-анализа активно изучаются количественные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы, и на личные характеристики политиков; соотношение в политическом дискурсе акцентов на прошлое, настоящее и будущее (В. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Клюковски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.). Напр., как показали такие исследования, во многих странах претенденты на президентский пост всегда чаще используют тактику дискредитации оппонента, чем действующий президент, баллотирующийся на второй срок.

К риторическому направлению в изучении политического дискурса принадлежат специалисты, стремящиеся использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методики (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт и др.). Следует согласиться с тем,

что новизна методики не гарантирует высокого качества исследования, что еще не до конца исчерпаны возможности традиционных методик изучения политической коммуникации. Вместе с тем наблюдается и несомненное развитие методик риторического изучения политической коммуникации.

Совершенно особый характер имеют исследования политической лингвистики, выполненные за пределами Европы и Америки.

В истории становления и развития политлингвистического направления в азиатской науке прослеживаются две тенденции.

Первая характеризуется значительным влиянием западных теорий и активным их внедрением в исследовательскую практику азиатских лингвистов. В основном это относится к странам и регионам, не вошедшим в лагерь социалистических государств и ориентировавшихся на рыночную экономику и политическое развитие по западному образцу. Теории анализа языка политики в рамках дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, контент-анализа получили распространение в Южной Корее (Й. Ву, Т. Ким, Й. Ли, К. Ли, Й. Так), Сингапуре (А. Ви, Е. Куо, А. Чой), Тайване (Дж. Вэй, Й. Гонг, П. Куо, Ш. Хуанг, Р. Ченг).

Вместе с тем ряд национальных научных школ выпали из этого ряда. Напр., совершенно особое развитие политическая лингвистика получила в Японии (М. Ида, Й. Ито, Т. Макита, Уемура). Западные исследователи склонны считать японские исследования по политической коммуникации теоретически ограниченными. Их удивляет возможность построения научных теорий на основе концептов «стыд» или «сохранение лица». Однако сами японские специалисты объясняют невысокую популярность западных теорий их малой эвристичностью в контексте японской культуры. К примеру, использование понятия «лидеры общественного мнения» при изучении политической коммуникации в Японии а priori не целесообразно: японцы избегают личных разговоров на политические темы, чтобы предупредить возможное расхождение мнений и межличностную конфронтацию. По мнению японских лингвистов, для изучения политической коммуникации в Японии не подходят европейские и американские теории по воздействию СМИ на общество или правительство. Так, Й. Ито [Ito 2000] предлагает взамен существующих западных теорий использовать при анализе японских СМИ «триполярную модель кууки» (tripolar kuuki model): «правительство – СМИ – общество». Согласно этой модели, информационное давление на один из компонентов триады возможно только при наличии особой атмосферы согласия (kuuki) между двумя остальными компонентами.

Аналогичные мысли о невозможности механистического применения западных теорий к азиатскому политическому дискурсу высказыва-

лись и другими исследователями. По мнению китайского специалиста Г. Чу [Chu 1988], в западных исследованиях политической коммуникации редко учитывается культурная переменная. Культура часто рассматривается как некая константа (по западному образцу), которую можно не принимать во внимание. Также исследователь указывает на то, что доминирование в западной лингвистике количественных методов ограничивает круг исследуемых вопросов. На Западе преимущественно исследуются вопросы, которые можно решить с помощью статистических методов, в то время как изучение политического дискурса включает в себя более широкую проблематику.

По-своему сложилась история исследования политического языка в Китае, в чем-то напоминающая аналогичный процесс в нашей стране. В период холодной войны китайские исследователи анализировали структуру, функции и эффективность китайской коммунистической пропаганды, часто в сравнении с риторическими «образцами» советских журналистов и политиков. С 80-х гг. прошлого века в китайскую науку о языке начинают просачиваться демократические веяния и западные теории. Если в предыдущий период лингвисты использовали в качестве материала для анализа официальные тексты, то в последнее время становится возможным изучение языковых механизмов идеологического контроля в Китае, сравнительный анализ политической коммуникации в Китае и капиталистических государствах, исследование коммуникативной «борьбы между рынком и коммунизмом» за влияние на СМИ, изменения в политической коммуникации после событий на площади Тяньаньмэнь и др. [Chan, Lee 1991; Chang et al. 1993; Guo 2000, 2001; He 1996, 2000; Lee 2000; Ling 1991; Zhao 1998, 2000; Zhu 1997; Zhu et al. 1997 и др.].

Следует принимать во внимание, что некоторые направления политической лингвистики, получившие развитие в Европе и США, невозможны в отдельных азиатских странах ввиду особенностей законодательства и политических систем. К примеру, в Китае и Сингапуре нельзя проводить исследования общественного мнения, направленные на выявление восприятия рядовыми гражданами политических лидеров или кандидатов на государственные должности. Свои ограничения накладывают традиции освещения политических событий в СМИ.

Наконец, в некоторых странах только начинается процесс становления политической лингвистики как области лингвистических исследований. Примером может служить Индонезия, в которой долгое время исследования политического языка были затруднительны из-за жесткого цензурного контроля, существовавшего при президенте Сухарто. После падения тоталитарного режима в 1998 г. стали появляться исследования, ориентированные на объективное изучение роли СМИ в демократизации общества [d'Haenens et al. 1999; Sen, Hill 2000].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2003.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Aden R. Entrapment and Escape: Inventional Metaphors in Ronald Reagan's Economic Rhetoric // Southern Communication Journal. 1988. Vol. 54.
- Allhoff D.-W. Rhetorische Analyse der Reden und Debatten des ersten deutschen Parlamentes von 1848/49. Insbesondere auf syntaktischer und semantischer Ebene. München, 1975.
- Arendt D. Geschichten und Lieder vom Rattenfänger oder Sprache und Bild als demagogische Handlung // Frankfurter Hefte. 1983. Bd. 38. H. 12.
- Atkinson J. M. Our masters voices: the language and body language of politics. – London, 1984.
- Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979.
- Bachem R., Battke K. Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit // Muttersprache. 1989. Bd. 99.
- Bartels L. M. Presidential primaries and dynamics of public choice. Princeton, 1988.
- Bebermeyer R. «Krise» in der Krise: Eine Vokabel im Sog ihrer Komposita und auf dem Weg zum leeren Schlagwort // Muttersprache. – 1981. – Bd. 91.
- Bergsdorf W. Politik und Sprache. München; Wien, 1978.
- Berschlin H. Liebe Freundinnen und Freunde. Über die Sprache der Grünen im Bundestag // Die Grünen – Partei wider Willen / Klaus Gotto / Hans-Joachim Veen (Hg.). Mainz, 1984.
- Bishop G., Meadow R.G., Jackson-Beeck M. (Eds.). The Presidential Debates. New York, 1980.
- Bitzer L. Rueter T. Carter vs Ford: The counterfeit debates of 1976. Madison, 1980.
- Blankenship J. The search for the 1972 Democratic nomination: A metaphorical perspective // Rhetoric and communication: Studies in the Illinois tradition / J. Blankenship & H.G. Stelzner (Eds.). Urbana, 1973.
- Bosman J. Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 2. № 2.
- Braden W., Brandenburg E. Roosevelt's Fireside Chats // Communication Monographs. 1955. Vol. 22.
- Brandenburg E., Braden W. Franklin D. Roosevelt's Voice and Pronunciation // Quarterly Journal of Speech. 1952. Vol. 38.
- Brembeck C. Harry Truman at the Whistle Stops // Quarterly Journal of Speech. 1952. Vol. 38.
- Burkhardt A. Metaphors We Die By. Die tödliche Metaphorik von Rüstungswerbung, Innen- und Militärpolitik / N. Oellers (Hg.): Germanistik und Deutschunterricht im Zeitalter der Technologie: Selbstbestimmung und Anpassung. Vorträge des Germanistentages. Band 2: Politische Aufgaben und soziale Funktionen von Germanistik und Deutschunterricht. Tübingen, 1988.
- Carson H.L. War Requested: Wilson and Roosevelt // Central States Speech Journal. 1958. Vol. 10.
- Chan J.M., Lee C.C. Mass media and political transition: The Hong Kong press in China's orbit. New York, 1991.
- Chang T.K., Chen C.H., Zhang G.Q. Rethinking the mass propaganda model: Evidence from the Chinese regional press // Gazette. 1993. Vol. 51.

- Chilton P. Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language // *Current Research on Peace and Violence*. 1987. Vol. 10. № 1.
- Chilton P. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda // *Nukespeak: The Media and the Bomb* / C. Aubrey (ed.). London, 1982.
- Chilton P. Orwellian Language and the Media. London, 1988.
- Chu G.C. In search of an Asian perspective of communication theory // *Communication theory: The Asian perspective* / Ed. W. Disssanayake. Singapore, 1988.
- Clyne M.G. Linguistic analysis and the 1972 Bundestag election campaign // *Linguistic Method: Essays in Honor of Herbert Penzl* / I. Rauch, G. F. Carr (Hg.). The Hague, 1979.
- Cobet C. *Der Wortschatz des Antisemitismus in der Bismarckzeit*. München, 1973.
- Corcoran P. E. *Political language and rhetoric*. Austin, 1979.
- Crowell L. *Word Changes Introduced Ad Libitum in Five Speeches by Franklin Delano Roosevelt* // *Communication Monographs*. 1952. Vol. 25.
- Dahlberg W.A. *Lincoln, the Wit* // *Quarterly Journal of Speech*. 1945. Vol. 31.
- d'Haenens L., Gazali E., Verelst, C. *Indonesian television news-making before and after Suharto* // *Gazette*. 1999. Vol. 61.
- Dieckmann W. *Politische Sprache – politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe*. Heidelberg, 1981.
- Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Eine Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. Heidelberg, 1975.
- Drommel R., Wolff G. *Metaphern in der politischen Rede* // *Der Deutschunterricht*. 1978. Bd. 30.
- Edelman M. *Political Language*. New York, 1977.
- Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, 1964.
- Elder C.D., Cobb R.W. *The Political Uses of Symbols*. New York, 1983.
- Fairclough N. L. *Language and Power*. London, 1989.
- Freitag R. *Zum Wesen des Schlagwortes und verwandter sprachlicher Erscheinungen* // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität: Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*. 1974. Jg. 23. Heft 2.
- Geis M. L. *The language of politics*. New York, 1987.
- Geissler H. *Sprache und Politik* // *Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984* / G. Stötzel (Hg.): Erster Teil. Berlin; New York, 1985.
- Glutz P. *Die Rückkehr der Mythen in die Sprache der Politik*. In: Georg Stötzel (Hg.): *Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984*, Erster Teil. Berlin; New York, 1985.
- Green D. *Shaping political consciousness: The language of politics in America from McKinley to Reagan*. Ithaca, 1987.
- Gribbin W. *The Juggernaut Metaphor in American Rhetoric* // *Quarterly Journal of Speech*. 1973. Vol. 59.
- Grünert H. *Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte in ihrer Verflechtung* // *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung* / Werner Besch u.a. (Hg.). – Halbbd. 1. Berlin; New York, 1984.
- Grünert H. *Sprache und Politik: Untersuchungen zum Sprachgebrauch der ‚Paulskirche‘*. Berlin; New York, 1974.
- Guo Z. *Media use habits, audience expectations and media effects in Hong Kong's first legislative council election* // *Gazette*. 2000. Vol. 62.

- Guo Z. To each according to its niche: Analyzing the political and economic origins for a structural segregation in Chinese press // *Journal of Media Economics*. 2001. Vol. 14.
- Hahn D. F. *Political Communication : Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed.* New York, 2003.
- Handbook of political communication / Ed. D. Nimmo, K.R. Sanders. – Beverly Hills, 1981.*
- Hastings A. *Metaphor in Rhetoric // Western Speech*. 1970. Vol. 34.
- He Z. *Mass Media and Tiananmen Square*. New York, 1996.
- He Z. Working with a dying ideology: Dissonance and its reduction in Chinese journalism // *Journalism Studies*. 2000. Vol. 1.
- Henry D. The rhetorical dynamics of Mario Cuomo's 1984 keynote address: Situation, speaker, metaphor // *Southern Speech Communication Journal*. 1988. Vol. 53.
- Hermanns F. *Brisante Wörter. Zur lexikographischen Behandlung parteisprachlicher Wörter und Wendungen in Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II / H.E. Wiegand (Hg.). Marburg, 1980.*
- Hikins J. W. The Rhetoric of 'Unconditional Surrender' and the Decision to Drop the Atomic Bomb // *The Quarterly Journal of Speech*. 1983. Vol. 69.
- Hook G. D. Making nuclear weapons easier to live with: The political role of language in nuclearization // *Bulletin of Peace Proposals*. 1985. Vol. 1.
- Howe J. *Carrying the village: Cuna political metaphors // The Social Use of Metaphor. Philadelphia, 1977.*
- Howe N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2.
- Ito Y. What causes the similarities and differences among the social sciences in different cultures? Focusing on Japan and the West // *Asian Journal of Communication*. 2000. Vol. 10.
- Ivie R. L. *Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // Southern Speech Communication Journal*. 1986. Vol. 51.
- Ivie R. L. *Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric // Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric. Davis, 1989.*
- Ivie R. L. *Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // Communication Monographs*. 1987. Vol. 54.
- Ivie R. L. *The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 // Quarterly Journal of Speech*. 1982. Vol. 68.
- Jamieson K.H. *The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66.
- Jensen J. *British Voices on the Eve of the American Revolution: Trapped by the Family Metaphor // Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63.
- Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York, 1965.
- King R. D. *Franklin D. Roosevelt's Second Inaugural Address // Quarterly Journal of Speech*. 1937. Vol. 23.
- Kjellen R. *Staten som lifsform*. Stockholm, 1916. Vol. III.
- Klein J. *Wortschatz – Wortkampf – Wortfelder in der Politik. In: ders. (Hg.): Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung. Opladen, 1989.*
- Klein J. *Die öffentliche Nachrüstungs-Diskussion. Überlegungen zu ihrer argumentationsanalytischen Beschreibung // Jenseits von Orwell. Analysen zur Instrumentierung der Kul-*

tur / H.-D. Kübler (Hg.). Frankfurt/M., 1984.

Klein J. Argumentation in politisch-parlamentarischer Debatte. Linguistische Anmerkungen zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland // Germanistik - Forschungsstand und Perspektiven. Vorträge des Dt. Germanistentages 1984 / G. Stötzel (Hg.). Teil 1. Berlin; New York, 1985.

Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1947.

Kopperschmidt J. Argumentation. Ein Vorschlag zur Methode ihrer Analyse // Wirkendes Wort. 1983. Bd. 33. Lasswell H.D. Style in the language of politics // Language in politics: Studies in quantitative semantics. New York, 1949.

Kopperschmidt J. Methode statt Appell. Versuch einer Kommunikationsanalyse // Der Deutschunterricht. 1976. Bd. 28. H. 4.

Kress G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice / 2nd ed. Oxford, 1989.

Kuhn F. Überlegungen zur politischen Sprache der Alternativbewegung // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51.

Kühn P. Der parlamentarische Zwischenruf als mehrfachadressierte Sprachhandlung // Sprache, Diskurs und Text // Akten des 17. Linguistischen Kolloquiums Brüssel 1982 / René Jongen u.a. (Hg.). Tübingen, 1983. Band 1.

Kurz G. Metapher, Allegorie, Symbol. Göttingen, 1982. Küster R. Militärmetaphorik im Zeitungskommentar: Darstellung und Dokumentation an Leitartikeln der Tageszeitungen ‚Die Welt‘ und ‚Süddeutsche Zeitung‘. Göppinger Arbeiten zur Germanistik Series 246. – Göppingen, 1978.

Küster 1983 – Küster R. Politische Metaphorik // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51.

Lee C.C. (Ed.). Power, money, and media: Communication patterns and bureaucratic control in cultural China. Evanston, 2000.

Ling C. Culture, politics, communication and development: A tentative study on the case of China // Gazette. 1991. Vol. 48.

Lübbe H. Der Streit um Worte. Sprache und Politik // Das Problem der Sprache / H.G. Gadamer (Hg.). München, 1967.

Miller E. F. Metaphor and Political Knowledge // American Political Science Review. 1979. Vol. 73. № 1.

Mumby D. K., Spitzack C. Ideology and Television News: A Metaphoric Analysis of Political Stories // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34. № 3.

Orwell G. Politics and the English language // The Norton anthology of English literature. New York, 1993 [1947].

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967a. Vol. 53.

Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63.

Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967b. Vol. 31.

Pelster T. Zur Semantik politischer Leitwörter // Praxis Deutsch. 1976. Bd. 17.

Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34.

Randolph J. The 1948 Presidential Campaign: Truman – A Winning Speaker // Quarterly Journal of Speech. 1948. Vol. 34.

Ray R.F. Ghostwriting in Presidential Campaigns // Communication Quarterly. 1956.

Vol. 4.

Rayner J. *Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors* // *Political Studies*. 1984. Vol. 32.

Rickert W. *Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II* // *Central States Speech Journal*. 1977. Vol. 28.

Sarcinelli U. *Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland*. Opladen, 1987.

Schiffman J. *Observation on Roosevelt's Literary Style* // *Quarterly Journal of Speech*. 1949. Vol. 35.

Schönbohm W. *Funktion, Entstehung und Sprache von Parteiprogrammen* // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1974. Bd. 34-35.

Sen K., Hill D.T. *Media, culture and politics in Indonesia*. Melbourne; Oxford, 2000.

Shapiro M. *Language and political understanding*. West Hanover, 1981.

So C. *The Summit as War: How Journalists Use Metaphors* // *Journalism Quarterly*. 1987. Vol. 64.

Stelzner H. *G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross* // *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. Thaiss G. *The conceptualization of Social Change Through Metaphor* // *Journal of African and Asian Studies*. 1978. Vol. 13.

Strauss G. *Der politische Wortschatz: Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik*. Tübingen, 1986.

Voelker C. H. *A Phonetic Study of Roosevelt* // *Quarterly Journal of Speech*. 1936. Vol. 22.

Wachtel M. *Die Darstellung von Vertrauenswürdigkeit in Wahlkampfspots*. Tübingen, 1988.

Weiss H.-J. *Wahlkampf im Fernsehen*. Berlin, 1976.

White E.E., Henderlider C.R. *What Harry S. Truman Told Us about His Speaking* // *Quarterly Journal of Speech*. 1954. Vol. 40.

Wilson G.L. *Rhetorical Echos of a Wilsonian Idea* // *Quarterly Journal of Speech*. – 1957. – Vol. 43.

Wolff G. *Sprache im Wahlkampf* // *Praxis Deutsch*. 1976. Bd. 18.

Wülfing W. *Schlagworte des Jungen Deutschland. Mit einer Einführung in die Schlagwortforschung*. Berlin, 1980.

Zarefsky D. *President Johnson's war on poverty*. Tuscaloosa, 1986.

Zashin E., Chapman P.C. *The uses of metaphor and analogy: Toward a renewal of political language* // *The Journal of Politics*. 1974. Vol. 36.

Zelko H. *Franklin D. Roosevelt's Rhythm in Rhetorical Style* // *Quarterly Journal of Speech*. 1942. Vol. 28.

Zhao Y. *Media, market and democracy in China: Between the party line and the bottom line*. Urbana, 1998.

Zhao Y. *From commercialization to conglomeration: The transformation of the Chinese press within the orbit of the party state* // *Journal of Communication*. 2000. Vol. 50.

Zhu J.H. *Political movements, cultural values, and mass media in China: Continuity and change* // *Journal of Communication*. 1997. Vol. 47.

Zhu J.H., Weaver D., Lo V.H., Chen C., Wu W. *Individual, organizational, and societal influences on media role perceptions: A comparative study of journalists in China, Taiwan, and the United States* // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006